

The background is a watercolor illustration of a forest scene. In the foreground, a street lamp with a glowing light is visible. The trees are rendered in various shades of purple, blue, and orange, creating a dreamlike atmosphere. The overall style is soft and artistic.

ДМИТРИЙ ФУРМАНОВ
НА ПОДСТУПАХ ОКТЯБРЯ

Дмитрий Андреевич Фурманов

На подступах Октября

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5735522*

Аннотация

«...Мы хотим, чтобы Первое мая было теплым, светло-солнечным днем. А сегодня так скверно: моросит изнурительный, бесконечный дождь; по выбоинам дорог хлюпает мутная вода; посерели и принахмурились дома, сараи, заборы, низко опустилось дымчатое, скучное небо.

Ах! Первое мая должно быть совсем иным!...»

Дмитрий Андреевич Фурманов

На подступах Октября

(1 мая 1917 г. в Иваново-Вознесенске)

Мы хотим, чтобы Первое мая было теплым, светло-солнечным днем. А сегодня так скверно: моросит изнурительный, бесконечный дождь; по выбоинам дорог хлюпает мутная вода; посерели и принахмурились дома, сараи, заборы, низко опустилось дымчатое, скучное небо.

Ах! Первое мая должно быть совсем иным! И не только я – мы все ожидали его в лучах, в цветущей зелени, с голубым высоким небом.

Теперь, я думаю, всем тяжело и обидно, как мне; даже не только обидно-тяжело, а опаска берет: «Ну, да как никто не придет, одни знаменосцы? Кому захочется в этакую гнусную слякоть истязать себя долгие часы? Не подумает ли каждый: «А пусть без меня... Что я один? И не приду – хватит народу... Дай-ка пережду окаянную хмару...» Гвоздем торчала эта мысль. И беспокоила.

Я вхожу на широкий фабричный двор. Он напомнил мне

распростертую засаленную рабочую блузу, когда от дождя по ней стекает масло, известка, нефть, прилипшие комья грязи.

На пустынном дворе еще большая тоска, чем на безлюдных утренних улицах.

Комнатка у фабричного комитета небольшая – черная, прокуренная, полутемная.

Мы сегодня пришли сюда спозаранку: не дошли вчера атласные знамена, не достроили подмости театру, а открыть его надо сегодня же, Первого мая. Я не первый пришел: Катерина Лунева, Настя – сестра ее, Гаврилов, Никита Губан, старик Алексеич, – вон их сколько, уж не ночевали ли тут?

– Здорово, товарищи!

– Здравствуй, Павел! На молоток – иди на сцену, тебя там ожидают на подмогу.

Я ухожу. Но прежде чем уйти, смотрю на Катерину: у нее под опущенными ресницами не вижу глаз; губы сложены строго; низко опущен платок, она вся перегнулась, – склонилась над работой. Не стану мешать, не оторву, не скажу ей ни слова – лучше послушаю, полюбуюсь, как она станет говорить рабочим про Май; так постановил фабричный комитет, чтобы Катерина сегодня говорила: ее любят и уважают – такую рассудливую, умную и строгую.

Длинным-длинным коридором (такие только на фабриках) я пробираюсь к театру: мы его построили в пустующем сарае, когда-то забитом от низу до потолка хозяйскими товарами.

На минутку остановился я и слушаю: тихо. Где-то за стенами чуть гудят человеческие голоса, а оттуда, спереди, то молотком постучат, то проскрежещут ручником-пилою. В этом коридоре я как в подземелье: сыро, темно, даже страшно немного. Как тяжело быть одному: и здесь и там вот, на улице, под скучным слепым дождем. Я выхожу из коридора прямо в сарай и здесь работаю. Мне все скучно по-прежнему, да вижу я, что и товарищам моим не весело. Стучим, строгаем, пилим, таскаем, режем, вбиваем... Проходят часы. Как прежде, капает дождь непрерывными, бессильными, мертвыми каплями.

Когда на две, на три секунды у нас случалась тишина: не стучали молотки, не визжали рубанки и пилы, – через стены к нам стали доноситься какие-то звуки. И чем дальше, тем они становились явственней и громче. Гудит. Гудит. Гудит. Мы понимали, что это гомон человеческой речи... «Значит, не все пропало, – подумал я, – может быть, и праздник состоится по-настоящему...» Вместе с говором и шумом, который все усиливался за стенами, ко мне в грудь проникало новое чувство, я замечал, что у меня хоть и медленно, а все-таки пропадает, рассеивается понемногу то гнетущее, мучительное состояние, с которым я шел сюда, которым полон был до этой минуты.

Кончена работа. Мы достроили, что хотели. Я бегу обратно длинным мрачным коридором, и он мне кажется уже со-

всем не таким отвратительным, как прежде. Лишь только поднялся по ступенькам – прямо к окну. А окно смотрит в фабричный двор. Двор переполнен рабочими.

«Да что же это такое? – чуть не крикнул я. – Неужели правда? Значит, ни слякоть, ни дождь, ни хмурое небо – ничто нипочем...»

Я почувствовал, как краска стыда залила мне лицо; как я сам себе вдруг показался и смешным, и маленьким, и жалким со своими куриными утренними сомнениями.

Взволнованный, спешу я в комитет, а туда не проберешься, все ходы-выходы заполнил народ. Толпа колыхнулась к выходу – это торопились открыть во дворе собрание, чтобы идти на главную, на Советскую площадь, куда соберутся к условленному часу все фабрики. Поплыла толпа. С нею плыву и я. Когда поравнялся с дверью, пахнуло все той же сыростью, что и утром; так же бесстрастно и печально падал дождь, так же угрюмо было свинцовое небо... А у меня дух захватывало от радости. Я торжествовал. Я был счастлив в те минуты. Я уже чувствовал себя так, как будто кого-то и в чем-то победил...

До сегодняшнего утра нам не показали новые атласные знамена. Вот они, у трибуны; я тороплюсь их смотреть:

«Да здравствует советская власть!»

«Вся власть Советам!»

«Долой десять министров-капиталистов!»

«Над производством – рабочий контроль!»

«Передадим землю крестьянам, фабрики и заводы – рабочим!»

«Да здравствует мир!»

«Долой проклятую бойню!»

«Да здравствует Интернационал!»

«Смерть капиталу. Слава труду!»

Ах, какие это сжигающие лозунги! С каким захватом, с каким волнением из уст в уста передают рабочие эти огненные слова! Вот цели, к которым надо стремиться! Вот знамена, под которыми надо идти!

Скорее же, скорее на площадь, там будет нас еще больше, туда все фабрики принесут такие же атласные и шелковые знамена, где будут не вышиты – выжжены каленым железом такие же пламенные, зовущие слова.

Медленная, гордая, сильная входит по ступенькам Катерина.

– Товарищи! Этот день – наш. Мы посылаем сегодня еще громче свой привет рабочим мира. Мы сегодня еще громче проклинаем бойню, устроенную капиталистами. Мы больше не хотим воевать. Не станем. Под этими знаменами, под этими лозунгами – поклянемся во что бы то ни стало добиться победы рабочего класса!..

Недолго говорила Катерина. И не надо было долго говорить: вдохновенные лица рабочих, решимостью сверкавшие взоры, простые, словно литые слова, эти выкрики-клятвы,

этот заключительный восторженный рев, – все говорило о готовности бороться, о готовности страдать, о вере в победу.

Мы пели «Интернационал». Что-то хотел еще сказать табельщик Каплушин, а ему крикнули из толпы:

– Сними с живота дареные хозяйские часы!

– Знаем мы тебя, подлыгалу!

– Ишь какой выискался защитник рабочим!

– Беги лучше – пошепчись с хозяином!..

Напрасно Каплушин махал жиденькими ручонками, напрасно брызгал слюною, торопясь что-то досказать и разъяснить, – из тысячи грудей неслось победное пение... Мы тронулись на площадь...

Никому не было дела до хмурого неба, до расслабленного противного дождя, до сырости, грязной дороги, истыканной лужами.

Взявшись за руки, рядами, колоннами шли мы по широким улицам, и толпа все росла, облипала чужими, случайными, которые не могли устоять перед нашей силою, перед стройностью, перед новыми песнями.

Лейся вдаль, наш напев,

Мчись вперед.

Над миром знамя наше реет

И несет клич борьбы,

Мести гром,

Семя грядущего сеет...

Оно горит и ярко рдеет;
То наша кровь горит огнем,
То кровь работников на нем...

Вот она – площадь. Гремят оркестры: сюда уже пришли и революционные полки. Знамена, знамена, знамена... Кругом знамена: алые, багровые, рдяные, ярко-красные...

На площади пять трибун... И с каждой трибуны все одни слова:

– На борьбу! На борьбу, рабочие! Победа только впереди
– это еще не победа!

– Мы готовы! – отвечали рабочие.

– Мы готовы! – отвечали полки.

Шелестели знамена, и казалось, будто они тоже говорят, соглашаются, одобряют...

Так в Мае готовились мы к Октябрю.

Москва, 25 марта 1922 г.